

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России

DOI: 10.21128/1812-7126-2018-1-169-197

НОЯБРЬ • 2017

Постановление от 10 ноября 2017 года № 27-П по делу о проверке конституционности положений Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711150013; дата опубликования: 15.11.2017)

Правовые категории в Постановлении: публичные мероприятия; встречи депутатов с избирателями; народное представительство; уведомительный и безуведомительный порядки согласования встреч; незапланированные встречи с избирателями.

Заявители: группа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ (в порядке части 2 статьи 125 Конституции РФ)

Предмет рассмотрения: положения пункта 6 статьи 1, пункта 3 статьи 2, пункта 3 статьи 3 и пунктов 1 и 3 статьи 4 Федерального закона от 7 июня 2017 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях», предусматривающие — в рамках специального правового регулирования порядка проведения встреч депутатов с избирателями в целях информирования о своей деятельности — распространение на проведение таких встреч в форме публичного мероприятия (вне помещений, специально отведённых мест, внутридворовых территорий) требований законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, а также определяющие порядок и условия проведения встреч вне связи с применением этих требований.

Позиция заявителей: оспариваемое правовое регулирование не согласуется с Конституцией РФ, её статьями 2, 3 (часть 2), 4 (часть 2), 10–12, 15 (часть 1), 31, 33, 55, 94–109 и 130–133, поскольку создаёт необоснованные ограничения для

исполнения депутатами всех уровней своих обязанностей по проведению встреч с избирателями и нарушает принцип разделения властей, ставя реализацию возложенной законом на депутатов обязанности по информированию избирателей о своей деятельности в зависимости от деятельности органов исполнительной власти по согласованию проведения соответствующих публичных мероприятий; при этом не учитывается объективная специфика депутатской деятельности, подразумевающая в том числе проведение незапланированных, спонтанных встреч с избирателями, допускается возможность произвольных ограничений в реализации свободы собраний и необоснованно ограничивается конституционное право граждан на беспрепятственные индивидуальные и коллективные обращения к депутатам всех уровней.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемые положения не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают:

обязанность органов исполнительной власти субъектов РФ (органов местного самоуправления) способствовать проведению встреч депутата с избирателями в целях их информирования о своей деятельности и выражения избирателями пожеланий депутату, в том числе обеспечивать определение специально отведённых мест для проведения таких встреч и перечня помещений, предоставляемых для их проведения, исходя из необходимости

наличия соответствующего места или помещения как минимум в каждом поселении;

возможность проведения встреч депутата с избирателями в форме публичного мероприятия на основе соблюдения требований, предъявляемых к проведению таких встреч Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», при условии соответствия избранной формы целевому назначению встречи;

отсутствие неблагоприятных для депутата и иных участников встречи правовых последствий самого по себе проведения такой встречи в пределах сельского или городского поселения без соблюдения предусмотренного названным законом уведомительного порядка, если судом установлено уклонение соответствующего органа от определения в этом сельском или городском поселении специально отведённых мест и перечня помещений для проведения встреч, в течение разумного срока после вступления оспариваемого закона в силу, притом что в застройке соответствующего поселения отсутствуют внутридворовые территории;

распространение требований законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях на проведение депутатами коллективных встреч с избирателями на внутридворовых территориях, если по своему характеру и содержанию эти встречи выходят за рамки информирования депутатом избирателей о своей деятельности и выражения пожеланий депутату, и предполагают выражение общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политической направленности;

недопустимость отказа в согласовании органом публичной власти по своему усмотрению проведения встречи депутата с избирателями в форме публичного мероприятия, о проведении которого требуется уведомление, и необходимость — как обязательная альтернатива несогласованию — предложить изменить место и (или) время проведения встречи, притом что такое предложение должно быть мотивированным и вызываться необходимостью сохранения нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной или транспортной инфраструктуры либо необходимостью поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан, иными подобными причинами;

отсутствие неблагоприятных правовых последствий проведения незапланированной встречи депутата с избирателями вне помещений, специально отведённых мест или внутридворовых территорий, если такая встреча обусловлена инициативой

самих избирателей, притом что депутат во всяком случае обязан незамедлительно прекратить соответствующую встречу в случае, если она создаёт угрозу сохранения нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной и транспортной инфраструктуры, обеспечения безопасности граждан либо иные подобные угрозы.

Мотивы решения. Особый публично-правовой статус депутата и нашедшие в нём свое выражение характеристики народного представительства обязывают федерального законодателя использовать в целях урегулирования порядка проведения встреч депутатов с избирателями такие правовые конструкции, которые в должной мере учитывали бы специфику депутатской деятельности и создавали бы правовые условия, необходимые для того, чтобы проведение подобных встреч отвечало их предназначению, не влекло угрозу безопасности как для их организаторов и участников, так и для других лиц, не приводило к нарушению прав, свобод и законных интересов граждан, а также не порождало коллизий иных публично значимых конституционных ценностей.

Конкретизировав в законе назначение встреч депутатов с избирателями как заключающееся в информировании депутатом избирателей о своей деятельности, федеральный законодатель предусмотрел вариативный порядок их проведения — в зависимости от предполагаемого формата конкретного мероприятия и особенностей места его проведения, а также от оценки наличия и степени существующих (возможных) опасностей и угроз в связи с их проведением.

Выделив в отдельную группу встречи депутата с избирателями в помещениях, специально отведённых местах, а также на внутридворовых территориях в целях информирования депутатом избирателей о своей деятельности, федеральный законодатель исходил из того, что такие встречи являются одной из основных форм их взаимоотношений, а предусматривая возможность безудомительного проведения таких встреч — из необходимости приблизить их проведение непосредственно к гражданам, принимая при этом во внимание, что в ограниченных пространственных пределах, в которых проводятся такие встречи, принятия органами публичной власти дополнительных мер по обеспечению общественного порядка и безопасности как их участников, так и других граждан, как правило, не требуется. Вместе с тем в силу присущих таким встречам открытости и массовости применительно, в частности, к внутридворовым территориям законом введено условие о недопустимости нарушения функционирования объектов

жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи и т. д.

Законом предусматривается также возможность проведения встреч депутатов с избирателями в рамках публичного мероприятия, что предполагает соблюдение в таких случаях требований и условий, предусмотренных законодательством Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях. По буквальному смыслу закона, встречи депутатов с избирателями не отождествляются с публичными мероприятиями, а признаются как возможная форма их проведения. Принимая во внимание принцип равенства, федеральный законодатель был вправе исходить из того, что депутаты всех уровней при выборе для проведения встречи с избирателями формы публичного мероприятия не могут пренебрегать установленными действующим законодательством требованиями, предъявляемыми к организации и проведению мероприятий подобного рода. Вместе с тем федеральный законодатель исходил из того, что само признание возможности проведения встреч депутата с избирателями в форме публичного мероприятия не предполагает распространения на такие мероприятия в полном объёме всех правил, содержащихся в законодательстве Российской Федерации о собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях, а должно учитывать объективную специфику депутатской деятельности.

Установленный действующим законодательством правовой режим проведения публичных мероприятий не может рассматриваться как разрешительный порядок реализации гражданами Российской Федерации права, гарантированного им статьёй 31 Конституции РФ (см.: *Постановление от 14 февраля 2013 года № 4-П; определения от 2 апреля 2009 года № 484-О-П, от 1 июня 2010 года № 705-О-О и др.*)

Не исключается возможность проведения незапланированной встречи депутата с избирателями вне помещений, специально отведённых мест или внутридворовых территорий по инициативе самих избирателей. Введение такого запрета несовместимо с конституционными началами публично-правового статуса депутата, оно являлось бы фактором дискредитации ценностей народного представительства, создавало бы предпосылки чрезмерного правоприменительного усмотрения, не исключая действий, не согласующихся с конституционными началами уважения к оппозиции. Вместе с тем депутат обязан незамедлительно прекратить не планировавшуюся заранее встречу с избирателями, если она начала создавать препятствия для сохранения нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной и транспортной инфраструктуры, обеспечения безопасности граждан либо иные подобные угрозы.

Постановление от 14 ноября 2017 года № 28-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711160005; дата опубликования: 16.11.2017)

Правовые категории в Постановлении: реабилитация; возмещение имущественного вреда, причинённого в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием; повторное участие судей и прокуроров в рассмотрении требований реабилитированного лица.

Заявитель: гражданин М. И. Бондаренко (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: отдельные положения статей 63, 135, 136, 137, 138, 397 и 399 УПК РФ, поскольку они: позволяют определить в системе прокуратуры конкретного прокурора, обязанного принести от имени государства официальное извещение реабилитированному за вред, причинённый ему незаконным или необоснованным уголовным преследованием; являются основанием для решения вопроса о возможности участия в рассмотре-

нии требования реабилитированного тех судей, которые ранее принимали процессуальные решения в отношении этого лица при рассмотрении его уголовного дела, а также вопроса о возможности повторного участия судьи в рассмотрении требования реабилитированного в случае возвращения вышестоящим судом этого требования на новое судебное рассмотрение; устанавливают право прокурора участвовать в судебном рассмотрении и разрешении требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда, причинённого ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием; позволяют прекращать судебное рассмотрение требования реабилитированного лица о возмещении причинённого ему в результате уголовного преследования вреда в случае, когда прокурор отменяет выступающее юри-

дическим основанием для возникновения права на реабилитацию решение о прекращении уголовного преследования этого лица; допускают отмену вынесенного в порядке гражданского судопроизводства судебного решения, которым удовлетворено требование реабилитированного о возмещении имущественного вреда.

Позиция заявителя: оспариваемые положения УПК РФ в силу неопределённости своего нормативного содержания и неоднозначного истолкования в судебной практике противоречат статье 2, части 1 статьи 15, статье 18, части 1 статьи 45, частям 1 и 2 статьи 46, статье 53, части 3 статьи 123, части 1 статьи 129 Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать не противоречащими Конституции РФ оспариваемые положения УПК РФ, которые по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что:

обязанность от имени государства принести официальное извинение лицу, в отношении которого вынесено постановление о прекращении по реабилитирующему основанию уголовного дела либо уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства, за причинённый ему вред лежит на прокуроре города или района, иной территориальной, военной или специализированной прокуратуры, непосредственно осуществляющем надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, если иное не установлено для конкретного случая вышестоящим прокурором; неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурором обязанности принести официальное извинение реабилитированному лицу могут быть обжалованы в судебном порядке (часть 1 статьи 136);

в случае возвращения вышестоящим судом требования реабилитированного лица о возмещении причинённого в связи с уголовным преследованием вреда на новое судебное рассмотрение судья, выразивший ранее, при рассмотрении уголовного дела этого лица, позицию об обоснованности подозрения, обвинения и об отсутствии тем самым оснований для реабилитации, а также судья, который ранее дал юридическую оценку данному требованию, вновь ставшему предметом судебного разбирательства, не должен участвовать в рассмотрении данного требования (статья 63, часть 5 статьи 135, статьи 137 и 399);

прокурор, который допускается до участия в судебном заседании при рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении причинённого ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием имущественного вреда, не выступает в этой процедуре в ка-

честве процессуального оппонента (противника) реабилитированного, а обеспечивает доведение до суда необходимых для решения вопроса о возмещении такого вреда сведений (часть 5 статьи 135 и часть 6 статьи 399);

само по себе их несоблюдение в части рассмотрения судом требования реабилитированного о возмещении причинённого ему незаконным или необоснованным уголовным преследованием имущественного вреда в порядке уголовного судопроизводства не может служить основанием для отмены вынесенного в порядке гражданского судопроизводства судебного решения, которым данное требование реабилитированного было удовлетворено (часть 1 статьи 135 во взаимосвязи со статьёй 138, пунктом 1 статьи 397 и пунктом 1 части 1 статьи 399).

Признать часть 1 статьи 214 УПК РФ не соответствующей части 1 статьи 46 и статье 53 Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащееся в ней положение во взаимосвязи с пунктом 3 части 2 статьи 133 УПК РФ позволяет прокурору в течение неопределённого срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, — при сохранении баланса публично- и частноправовых интересов — эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования.

Конституционно-правовой смысл оспариваемых положений, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Федеральному законодателю надлежит внести в УПК РФ необходимые изменения, с тем чтобы гарантировать эффективную государственную, в том числе судебную, защиту от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования и от ограничения права на возмещение вреда лицу, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование прекращено на досудебной стадии уголовного процесса по реабилитирующим основаниям, но при этом не допускать ситуацию, при которой (по крайней мере, в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности) исключалась бы возможность отмены принятого на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования лица, если выявились новые сведения о его виновности в совершении преступ-

ления и, соответственно, такая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений.

Впредь до внесения в УПК РФ изменений, вытекающих из Постановления, отмена или изменение в обычном порядке постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица, допускается в срок, не превышающий одного года со дня его вынесения; по прошествии года постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования может быть отменено только судом по заявлению прокурора по правилам статьи 165 УПК РФ или потерпевшего — по правилам статьи 125 УПК РФ с обязательным предоставлением лицу, уголовное преследование которого было прекращено, и (или) его представителю возможности участия в судебном заседании.

Правоприменительные решения, принятые в отношении заявителя, подлежат пересмотру в установленном порядке с учётом Постановления.

Мотивы решения. Обусловленная предыдущим участием судьи в рассмотрении уголовного дела осведомлённость о его обстоятельствах и имеющихся в нем доказательствах способствует скорости и эффективности восстановления нарушенных прав и свобод в предусмотренной главой 18 УПК РФ процедуре, которая не предполагает при разрешении требования реабилитированного о возмещении вреда рассмотрения вопросов обоснованности уголовного преследования, служивших предметом судебного заседания по уголовному делу, и которая с точки зрения действующей модели правового регулирования является ускоренным, сокращённым, квазиприказным производством, предназначенным для скорейшего рассмотрения требования реабилитированного в условиях отсутствия спора о его субъективном праве на возмещение вреда и о фактических обстоятельствах, предопределяющих размер возмещения.

Если судья ранее высказал позицию о виновности обвиняемого, о законности и обоснованности уголовного преследования, а значит, позицию о наличии обстоятельств, не предполагающих реабилитацию, возникает почва для переоценки доказательств, конфликта интересов и оправданных сомнений в способности такого судьи объективно и непредвзято разрешить требование реабилитированного. Соответственно, рассматривая в этих случаях материалы о возмещении реабилитированному вреда, судья вынужден — по меньшей мере, в косвенной форме — подвергать критике при-

нятые им же самим решения, что не только ставит под угрозу ограничения принцип свободы оценки доказательств, в котором воплощается в том числе независимость суда (см.: *Постановление от 21 декабря 2011 года № 30-П*), гарантированная частью 1 статьи 120 Конституции РФ, но и идёт вразрез с вытекающими из её частей 1 и 2 статьи 46 и статьи 53 требованиями эффективности и справедливости судебной защиты прав реабилитированного.

Поскольку к моменту рассмотрения требования реабилитированного о возмещении вреда вопросы о его виновности в совершении преступления, о правомерности применения к нему мер процессуального принуждения уже получили свое разрешение и право на реабилитацию у него уже возникло, прокурор осуществляет в процедуре реабилитации не уголовное преследование, а особый вид деятельности, связанный с реализацией последствий оправдания подсудимого либо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, представляя суду материалы, которые касаются имевшего место ранее уголовного преследования.

При решении вопросов, связанных с возобновлением прекращённых уголовных дел, надлежит исходить из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов на основе принципа справедливости, что предполагает защиту как интересов правосудия, прав и свобод потерпевших, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности; недопустимо произвольное возобновление прекращённого уголовного дела, в том числе многократное его возобновление по одному и тому же основанию, создающее для лица, в отношении которого дело было прекращено, постоянную угрозу уголовного преследования.

По смыслу действующего правового регулирования, возможность отмены незаконного или необоснованного постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования, в том числе по реабилитирующим основаниям, не ограничена даже истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Отсутствие же в уголовно-процессуальном законе срока для отмены постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования, вынесенного на досудебной стадии уголовного судопроизводства, умаляет гарантии защиты от необоснованного возобновления прекращённого уголовного преследования, создаёт для лица постоянную угрозу привлечения к уголовной ответственности, что в любой момент может воспрепятствовать разрешению судом вопроса о размере

причинённого в связи с уголовным преследованием вреда и о производстве выплат в его возмещение.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Международный пакт о

гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и статья 14); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5, статья 6); Протокол № 7 к Конвенции (статья 3).

Постановление от 16 ноября 2017 года № 29-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711170020; дата опубликования: 17.11.2017).

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: жилищные права военнослужащих; принцип равноправия; дополнительная общая площадь жилого помещения; преподаватели учебных военных центров и военных кафедр.

Заявитель: гражданин М. В. Фокин (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: абзац первый пункта 2 статьи 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих» постольку, поскольку он связывает право военнослужащих — преподавателей государственных образовательных организаций высшего образования на дополнительную общую площадь жилого помещения с замещением ими должности исключительно на военной кафедре.

Позиция заявителя: абзац первый пункта 2 статьи 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не соответствует Конституции РФ, её статьям 2, 15 (часть 1), 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1 и 2), 40 (часть 2 и 3) и 55 (часть 2 и 3), поскольку по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, лишает военнослужащих — преподавателей учебных военных центров при государственных образовательных организациях высшего образования права на дополнительную общую площадь жилого помещения и, притом что военнослужащим — преподавателям военных кафедр таких образовательных организаций соответствующее право предоставлено, допускает необоснованные различия в жилищных правах военнослужащих — преподавателей военной кафедры и учебного военного центра, созданных при одной и той же государственной образовательной организации высшего образования.

Итоговый вывод решения: признать абзац первый пункта 2 статьи 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не соответствующим Конституции РФ, её статьям 19 (часть 2) и 40 (часть 1), в той мере, в какой содержащаяся в нём

норма, связывая право военнослужащих — преподавателей, направляемых в установленном порядке без приостановления им военной службы в государственные образовательные организации высшего образования для обеспечения реализации программ военной подготовки граждан Российской Федерации, обучающихся в указанных образовательных организациях по очной форме обучения, на дополнительную общую площадь жилого помещения с замещением должности преподавательского состава исключительно на военной кафедре, лишает данного права военнослужащих — преподавателей учебных военных центров и ставит их тем самым в неравное положение с относящимися к той же категории военнослужащими — преподавателями военных кафедр.

Правоприменительные решения по делу гражданина Фокина М. В., основанные на абзаце первом пункта 2 статьи 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих», подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Мотивы решения. Для отдельных категорий военнослужащих Федеральный закон «О статусе военнослужащих» устанавливает право на дополнительную общую площадь жилого помещения в пределах от 15 до 25 квадратных метров. Несмотря на то что само по себе право военнослужащих на дополнительную общую площадь жилого помещения непосредственно в Конституции РФ не закреплено, федеральный законодатель при определении круга лиц, которым данное право предоставляется, не освобождается от обязанности соблюдать конституционные принципы равенства и справедливости, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые, помимо прочего, требуют для субъектов права при равных условиях равного положения, означают запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, и допускают возможность таких

различий, только если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (см.: *постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П и др.*).

К числу военнослужащих, которым закон предоставляет право на дополнительную общую площадь жилого помещения, относятся, в частности, военнослужащие — преподаватели военных кафедр при государственных образовательных организациях высшего образования.

В 2006 году в рамках общей реформы системы прохождения военной службы в Российской Федерации была изменена и система добровольной подготовки к военной службе граждан, обучающихся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования. В частности, Федеральным законом от 3 июля 2006 года № 96-ФЗ были внесены изменения в федеральные законы «Об обороне» и «О воинской обязанности и военной службе», предусматривающие введение вместо одной, ранее существовавшей формы организации добровольной подготовки к военной службе граждан, обучающихся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, — обучение по программе подготовки офицеров запаса на военных кафедрах при указанных образовательных учреждениях, двух форм — обучение по программе военной подготовки в учебных военных центрах и обучение по программе военной подготовки офицеров запаса на военных кафедрах, при этом как учебные военные центры, так и военные кафедры отныне могли создаваться исключительно при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

Основное различие указанных форм организации добровольной подготовки к военной службе, состоит в том, что обучение в учебном военном центре предполагает дальнейшую военную службу на основании заключаемого после завершения обучения в образовательной организации контракта о прохождении военной службы, в то время как при успешном завершении обучения на факультете военного обучения (военной кафедре) по программам военной подготовки офицеров запаса, программам военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программам военной подготовки солдат, матросов запаса граждан зачисляется в запас (пункт 3 статьи 201, абзац четвёртый пункта 1 статьи 52 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). Вместе с тем данное различие не влечёт за собой существенных различий в организации деятельности учебных военных цен-

тров, факультетов военного обучения и военных кафедр. Так, совместным приказом Министра обороны РФ и Министерства образования и науки РФ от 10 июля 2009 года № 666/249 «Об организации деятельности учебных военных центров, факультетов военного обучения и военных кафедр при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» установлено общее для учебных военных центров, факультетов военного обучения и военных кафедр правовое регулирование в части требований к содержанию и организации военной подготовки граждан по соответствующим программам, порядка проведения отбора граждан для прохождения военной подготовки, организации образовательной деятельности и контроля за ней со стороны Министерства обороны РФ, а также порядка замещения должностей работников учебных военных центров, факультетов военного обучения и военных кафедр.

Единое правовое регулирование учитывает, в первую очередь, объективно схожие условия, в которых оказываются военнослужащие, направленные в установленном порядке в указанные образовательные организации на должности преподавательского состава учебных военных центров и военных кафедр. Именно этим обстоятельством объясняется сходство должностных обязанностей военнослужащих, замещающих аналогичные должности преподавательского состава в учебных военных центрах и на военных кафедрах, а также тождество тарифных разрядов по соответствующим должностям. Следовательно, различие в таких формах организации добровольной подготовки к военной службе граждан Российской Федерации, обучающихся в государственных образовательных организациях высшего образования, как обучение в учебных военных центрах и обучение на военных кафедрах, само по себе не предполагает различий в правовом статусе военнослужащих, направленных в установленном порядке без приостановления им военной службы в указанные образовательные организации на должности преподавательского состава учебных военных центров и военных кафедр. Сказанное позволяет относить военнослужащих — преподавателей учебных военных центров и военнослужащих — преподавателей военных кафедр при государственных образовательных организациях высшего образования к одной категории.

Сохранив право на дополнительную общую площадь жилого помещения в пределах от 15 до 25 квадратных метров лишь за теми военнослужащими — преподавателями государственных образовательных организаций высшего образования,

которые замещают должности преподавательского состава военных кафедр, созданных при такого рода образовательных организациях, федеральный законодатель фактически поставил приобретение этого права в зависимость исключительно от формы организации добровольной подготовки к военной службе, в реализации которой принимает участие военнослужащий-преподаватель, что — в условиях единства правового статуса военнослужащих — преподавателей, направляемых в установленном порядке без приостановления им военной

службы в государственные образовательные организации высшего образования на должности преподавательского состава учебных военных центров и военных кафедр, — приводит к необоснованным различиям при реализации указанными гражданами права на жилище, то есть порождает такую дифференциацию в правовом положении лиц, относящихся к одной и той же категории, которая не имеет объективного и разумного оправдания, несовместима с требованиями статьи 19 (часть 2) Конституции РФ.

Постановление от 21 ноября 2017 года № 30-П по делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711230008; дата опубликования: 23.11.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; прекращение уголовного преследования; подозреваемый; реабилитация.

Заявитель: гражданин В. В. Ченский (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статей 38 и 125 УПК РФ, поскольку на их основании решается вопрос о судебной проверке действий (бездействия) следователя, связанных с определением процессуального статуса лица, которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 УПК РФ, допрашивается в качестве свидетеля о тех же событиях и по тому же уголовному делу без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования.

Позиция заявителя: оспариваемые положения нарушают конституционные права заявителя, гарантированные частями 1–2 статьи 46, статьями 49, 52 и 53 Конституции РФ, поскольку они, ограничивая гражданина в возможности обратиться за судебной проверкой необходимости принятия в отношении него процессуального решения о прекращении или о продолжении уголовного преследования, тем самым лишают его в дальнейшем права на реабилитацию.

Итоговый вывод решения: признать взаимосвязанные положения статей 38 и 125 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают полно-

мочие суда при рассмотрении жалобы лица, которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 УПК РФ, допрашивается в качестве свидетеля без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, на бездействие следователя, выразившееся в неприятии решения о процессуальном статусе этого лица, разрешить, в том числе в целях признания за ним права на реабилитацию и восстановление законности, вопрос о необходимости принятия следователем такого решения.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя на основании положений статей 38 и 125 УПК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Статус подозреваемого как участника уголовного судопроизводства со стороны защиты позволяет лицу защищаться от уголовного преследования, для чего оно наделяется соответствующими возможностями, а потому основания и порядок изменения этого статуса должны быть четко определены в уголовно-процессуальном законе с тем, чтобы такое лицо не было ограничено в правах, включая право на судебную защиту и право на реабилитацию в случае причинения ему вреда незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Незаконное же или необоснованное уголовное преследование, в том числе задержание в качестве подозреваемого, — это одновременно и грубое посягательство на человеческое достоинство, а потому возможность реабилитации, восстановления

чести и доброго имени опороченного неправомерным подозрением либо обвинением лица, а также обеспечение проверки законности и обоснованности уголовного преследования и принимаемых в связи с ним процессуальных решений (в случае необходимости — в судебном порядке) являются непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности, презумпции невиновности, права каждого на защиту, включая судебную, его прав и свобод (см.: *Постановление от 14 июля 2011 года № 16-П*).

Отсутствие процессуального документа, свидетельствующего о том, что подозрение снято и уголовное преследование прекращено, способно препятствовать восстановлению прав, нарушенных уголовным преследованием. Поскольку же уголовно-процессуальный закон определяет лишь начальный момент, с которого лицо становится подозреваемым, неопределённость правового статуса этого лица в ситуации фактического уголовного преследования — без его юридического оформления и, соответственно, без предоставления прав по защите от него — может сохраняться вплоть до истечения сроков давности уголовного преследования (статья 78 УК РФ и пункт 3 части первой статьи 24 УПК РФ).

В силу различий процессуального статуса свидетеля и подозреваемого, допросу лица в качестве свидетеля по уголовному делу, в котором это лицо имело статус подозреваемого, должно предшествовать процессуальное решение о прекращении его уголовного преследования; следователь не вправе допрашивать по одному и тому же делу, об одних и тех же событиях в качестве свидетеля лицо, чей статус подозреваемого не прекращён надлежащим процессуальным решением. Лицо, которое задерживалось по подозрению в совершении преступления в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ и после освобождения из-под стражи — при отсутствии процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, а значит, и процессуального оформления прекращения его статуса подозреваемого — допрашивается (подлежит допросу) в качестве свидетеля, лишено возможности защитить свои нарушенные права, а потому вправе обжаловать в суд бездействие следователя, выразившееся в непринятии решения о прекращении его уголовного преследования, в необеспечении реализации права на реабилитацию.

Наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования и принимать процессуальные решения, законодатель не исключает необходимость выполнения следователем при осуществлении уголовного преследования всего

комплекса мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (см.: *Постановление от 29 июня 2004 года № 13-П; определения от 24 января 2008 года № 63-О-О, от 16 июля 2015 года № 1616-О, от 26 января 2017 года № 4-О*). Такие же обязанности возлагаются на следователя и при решении вопросов о начале (продолжении) уголовного преследования в отношении конкретного лица и о его прекращении по соответствующим основаниям.

При этом действия (бездействие) и решения следователя могут быть обжалованы, в том числе в судебном порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. В силу состязательности уголовного судопроизводства суд не вправе обязывать органы предварительного расследования возбуждать, прекращать либо возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица, что, однако, не препятствует суду дать оценку законности и обоснованности оспариваемых действий (бездействия) или решений, которые способны затруднить доступ граждан к правосудию либо причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, в том числе праву на охрану достоинства личности, на защиту своей чести и доброго имени и на возмещение вреда, причинённого незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц. При этом, рассматривая жалобу, суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности оспариваемых действий (бездействия) и решений. Такая оценка закономерно включает в себя и полномочие суда указать соответствующему органу или должностному лицу на конкретные нарушения, которые ими допущены и которые они обязаны устранить. Невыполнение данной обязанности может служить основанием не только для обжалования связанных с этим действий (бездействия) прокурору или в суд, но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения (см.: *определения от 21 декабря 2004 года № 464-О, от 25 января 2005 года № 2-О, от 24 марта 2005 года № 151-О, от 23 июня 2005 года № 299-О, от 17 июня 2013 года № 1003-О, от 23 декабря 2014 года № 3005-О, от 18 июля 2017 года № 1545-О*).

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека (статьи 7, 8, 10 и 11); Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 14); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статья 6).

Постановление от 22 ноября 2017 года № 31-П по делу о проверке конституционности частей 1, 5, 10 и 11 статьи 33 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции», статей 17, 19 и 20 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также подпункта «б» пункта 4 Указа Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711240002; дата опубликования: 24.11.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на труд; правовая определённость; государственная служба; равный доступ к государственной службе; служба в органах внутренних дел; приём на службу в правоохранительные органы.

Заявители: Верховный Суд Республики Дагестан; гражданин С. Ю. Базаленко (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения частей 1 и 5 статьи 33 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 305-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» и подпункта «б» пункта 4 Указа Президента РФ от 5 апреля 2016 года № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» в той мере, в какой на их основании решаются вопросы, связанные с принятием на службу в органы внутренних дел сотрудников органов наркоконтроля, уволенных в рамках мероприятий по упразднению Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (далее — ФСКН) по такому основанию, как перевод в другой государственный орган, и изъявивших желание продолжить службу в органах внутренних дел.

Позиция заявителей: оспариваемые положения не соответствуют части 2 статьи 7, статьям 15 и 18, части 1 статьи 19, статьям 32 и 37, части 2 статьи 39 Конституции РФ, поскольку они: нарушают право сотрудников органов наркоконтроля, уволенных из этих органов в связи с упразднением ФСКН, на равный доступ к государственной службе; не содержат оснований для отказа таким лицам в приёме на службу в органы внутренних дел; позволяют должностным лицам органов внутренних

дел бездействовать более трёх месяцев, а затем отказывать бывшим сотрудникам органов наркоконтроля в приёме на службу в связи с истечением трёхмесячного срока принятия на службу в порядке перевода либо без объяснения причин; допускают возможность произвольного определения круга лиц, которые принимаются на службу в органы внутренних дел; ограничивают право сотрудников органов наркоконтроля, уволенных в связи с переводом в другой государственный орган и изъявивших желание продолжить службу в органах внутренних дел, на труд и на вознаграждение за труд, вынуждая их к отказу от другой работы (службы) в период до принятия в отношении них решения о приёме на службу в органы внутренних дел.

Итоговый вывод решения: признать не противоречащими Конституции РФ оспариваемые положения Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» и Указа Президента РФ «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции», поскольку они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

не предполагают отказ сотрудникам органов наркоконтроля, которые при упразднении ФСКН изъявили желание продолжить службу в органах внутренних дел и были уволены в связи с переводом в другой государственный орган, в приёме на службу в органы внутренних дел в упрощённом порядке — без испытательного срока, переаттестации, прохождения военно-врачебной экспертизы и профессионального психологического отбора — в течение трёх месяцев с момента увольнения при отсутствии у них другой работы (службы) в указанный период и при условии, что в отношении этих

лиц не было установлено предусмотренных законом обстоятельств, исключающих возможность их поступления на службу в органы внутренних дел;

не препятствуют поступлению данных лиц на службу в органы внутренних дел в упрощённом порядке и по истечении трёх месяцев с момента их увольнения из органов наркоконтроля при условии, что такие лица своевременно (то есть не позднее трёх месяцев со дня увольнения) направили в соответствующий орган внутренних дел заявление с просьбой о поступлении на службу;

не лишают сотрудников органов наркоконтроля, уволенных в связи с переводом в другой государственный орган и не принятых на службу в органы внутренних дел, права на изменение основания увольнения и получение единовременного пособия и иных выплат, предусмотренных законодательством Российской Федерации, по заявлению, поданному в ликвидационную комиссию ФСКН или соответствующую ликвидационную комиссию её территориального органа в случаях, когда решение об отказе в приёме на службу в органы внутренних дел было принято по истечении трёх месяцев со дня увольнения.

Федеральному законодателю надлежит установить правовой механизм, позволяющий обеспечить учёт периода ожидания сотрудниками органов наркоконтроля, уволенными в связи с переводом в другой государственный орган, принятия решения о приёме на службу в органы внутренних дел при исчислении стажа службы (выслуги лет).

Правоприменительные решения по делу заявителя — гражданина Базаленко Сергея Юрьевича, вынесенные на основании оспоренных положений в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Мотивы решения. Учитывая схожесть характера службы в органах наркоконтроля и в органах внутренних дел, а также публично-правового статуса сотрудников указанных органов, в качестве организационно-правового способа, обеспечивающего переход сотрудников ФСКН в органы внутренних дел, был избран перевод, предполагающий расторжение с сотрудниками органов наркоконтроля контрактов о службе в органах наркоконтроля и их увольнение из указанных органов с последующим заключением с ними контрактов о службе в органах внутренних дел, что фактически означало продолжение осуществления указанными лицами правоохранительной служебной деятельности на началах непрерывности.

Возникла формальная несогласованность между положениями, с одной стороны, части 1

статьи 33 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» и подпункта «б» пункта 4 Указа Президента РФ «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции», предписывающими принятие на службу в органы внутренних дел всех сотрудников органов наркоконтроля, которые при упразднении ФСКН изъявили желание продолжить службу в органах внутренних дел и были уволены в связи с переводом в другой государственный орган, в трёхмесячный срок со дня их увольнения, и, с другой стороны, положением части 5 статьи 33 того же Федерального закона, не исключающим возможность отказа таким сотрудникам в приёме на службу в органы внутренних дел.

Оспариваемые положения по своему буквальному смыслу не предполагали отказ тем сотрудникам органов наркоконтроля, которые при упразднении ФСКН изъявили желание продолжить службу в органах внутренних дел и были уволены в связи с переводом в другой государственный орган, в приёме на службу в органы внутренних дел в течение трёх месяцев с момента увольнения при условии, что в указанный срок такие лица не имели другой работы (службы).

Установление же срока, в течение которого сотрудники органов наркоконтроля, уволенные в связи с переводом в другой государственный орган, подлежали приёму на службу в органы внутренних дел в упрощённом порядке, было осуществлено федеральным законодателем в пределах его дискреционных полномочий и преследовало цель скорейшего трудоустройства указанных лиц — при условии, что не были установлены предусмотренные законом обстоятельства, исключающие возможность поступления данных лиц на службу в органы внутренних дел. Тем не менее сотрудник органов наркоконтроля, уволенный в связи с переводом в другой государственный орган и не принятый на службу в органы внутренних дел в течение трёх месяцев со дня увольнения, не может быть лишён права на изменение основания увольнения и получение единовременного пособия и иных выплат, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в тех случаях, когда решение об отказе ему в приёме на службу в органы внутренних дел было принято по истечении трёх месяцев со дня увольнения.

Однако поскольку оспариваемое нормативное регулирование носит временный характер и практически утратило своё значение, так как большинство уволенных сотрудников органов наркоконтроля были приняты на работу в органы внутренних дел, а указанная неопределённость может быть устранена путём конституционно-правового истолкования коллизионных положений, Конституционный Суд РФ воздержался от признания оспариваемых

положений неконституционными, так как такое решение в сложившейся ситуации ставило бы под сомнение легитимность правоприменительных решений, принятых в отношении подавляющего большинства сотрудников органов наркоконтроля, что не согласовывалось бы с принципом стабильности служебных отношений, а также не отвечало бы публичным интересам службы в органах внутренних дел и частным интересам указанных лиц.

Постановление от 23 ноября 2017 года № 32-П по делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711240038; дата опубликования: 24.11.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; принцип равенства; достоинство личности; уголовное судопроизводство; государственная тайна; оперативно-розыскная деятельность; отказ в возбуждении уголовного дела.

Заявитель: гражданин Е. Ю. Горовенко (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статьи 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» постольку, поскольку содержащиеся в них положения применяются для разрешения вопроса об ознакомлении лица, не имеющего допуска к государственной тайне и защищающего свои права и свободы без участия адвоката, с затрагиваемыми эти права и свободы решением об отказе в возбуждении уголовного дела и материалами процессуальной проверки, послужившими основанием для его вынесения, если данное решение и материалы содержат сведения в области оперативно-розыскной деятельности, составляющие государственную тайну.

Позиция заявителя: оспариваемые положения нарушают права, гарантированные частью 2 статьи 24 и статьёй 46 Конституции РФ, поскольку они — по смыслу, придаваемому данным законоположениям правоприменительной практикой, — позволяют отказывать заинтересованному лицу, защищающему свои права без участия адвоката, в ознакомлении с материалами проводимой на стадии возбуждения уголовного дела проверки сообщения о преступлении и с вынесенными на их основании решениями об отказе в возбуждении уголовного дела, если эти решения и материалы содержат сведения, составляющие государственную тайну, а также в предоставлении копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которому присвоен гриф секретности, в

связи с отсутствием у такого лица допуска к государственной тайне.

Итоговый вывод решения: признать статьи 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что:

использование уполномоченными должностными лицами (органами) для решения вопроса о возбуждении уголовного дела относящихся к государственной тайне результатов оперативно-розыскной деятельности не может служить препятствием для ознакомления лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела (поскольку в случае возбуждения уголовного дела он был бы признан потерпевшим или в случае завершения возбуждённого уголовного дела обвинительным приговором возникли бы основания для пересмотра ранее вынесенного в его отношении судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам), с этим постановлением и дающими основание для его вынесения материалами, содержащими сведения о фактических обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии или наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления;

в случае приобщения к материалам проверки сообщения о преступлении документов и материалов, содержащих сведения в области оперативно-розыскной деятельности, имеющие гриф секретности, сохранность государственной тайны при ознакомлении лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, с материалами такой проверки и решением, принятым по её резуль-

татам, может быть обеспечена путем использования предусмотренных законом механизмов, включая предупреждение о неразглашении государственной тайны, ставшей известной лицу в связи с ознакомлением с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела и положенными в его основу материалами проверки сообщения о преступлении, предупреждение о привлечении к уголовной ответственности в случае разглашения государственной тайны, а также хранение копий и выписок из процессуальных документов вместе с материалами указанной проверки;

уполномоченные должностные лица обязаны предпринимать все относящиеся к их компетенции меры, с тем чтобы в материалах проверки сообщения о преступлении содержались лишь те сведения, которые необходимы для принятия соответствующего процессуального решения, и тем самым исключались бы коллизии между требованиями защиты государственной тайны и гарантиями права лица на ознакомление с непосредственно затрагивающими его права и свободы документами и материалами, дающими основание для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Конституционно-правовой смысл оспоренных положений, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, принятые в отношении заявителя на основании оспоренных положений в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Само по себе использование уполномоченными должностными лицами для решения вопроса о возбуждении уголовного дела результатов оперативно-розыскной деятельности,

хотя и включённых в перечень сведений, составляющих государственную тайну, но содержащих лишь информацию о наличии или отсутствии признаков преступления и о других обстоятельствах, имеющих значение для принятия процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела, не может служить препятствием для ознакомления этого лица с процессуальным решением об отказе в возбуждении уголовного дела и материалами, дающими основание для его вынесения (см.: *Постановление от 6 ноября 2014 года № 27-П*).

Закреплённый статьёй 21 Закона РФ «О государственной тайне» порядок допуска к государственной тайне, осуществляемого по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации после проведения проверочных мероприятий, носит характер общего правила, не исключающего использование иных способов доступа к государственным секретам и защиты государственной тайны, само существование которых обусловлено, в частности, особенностями правового статуса отдельных категорий лиц, вытекающего из Конституции РФ или непосредственно предусмотренного законом (см.: *Постановление от 27 марта 1996 года № 8-П*). Учитывая, что статус участников уголовного судопроизводства определяется не только отраслевыми нормами, но и требованиями Конституции РФ, их процессуальное положение, наполняемое в том числе конституционно-правовым содержанием, не исключает доступа к конкретным сведениям, составляющим государственную тайну, способами, не связанными с оформлением допуска к таким сведениям, притом что защита государственной тайны будет обеспечена предусмотренными законом средствами (например, предупреждение участников процесса о неразглашении государственной тайны, ставшей им известной в связи с производством по делу, их привлечение к уголовной ответственности в случае её разглашения).

Постановление от 27 ноября 2017 года № 33-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1 и части второй статьи 3 Федерального закона «Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711290030; дата опубликования: 29.11.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: социальное обеспечение; пенсионное обеспечение;

принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города федерального значения Севастополь; принцип равенства.

Заявитель: гражданин Ю. И. Шокура (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 статьи 1 и часть 2 статьи 3 Федерального закона «Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности сохранения более высокого размера пенсии, назначенной в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 1 января 2015 года, гражданину, постоянно проживавшему на соответствующей территории по состоянию на 18 марта 2014 года, в связи с увольнением его со службы из органов Государственной пенитенциарной службы Украины, если после назначения пенсии он был принят на службу в учреждения или органы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя и до 1 января 2015 года уволен со службы с правом на пенсию.

Позиция заявителя: оспариваемые положения нарушают права, гарантированные частью 1 статьи 1, статьями 2, 7, 18, частями 1 и 2 статьи 39, частью 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку предполагают безусловный отказ в сохранении более высокого размера пенсии, исчисленного в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 1 января 2015 года, гражданину, который по состоянию на 18 марта 2014 года постоянно проживал на одной из этих территорий, уволен с военной или иной приравненной к ней по пенсионному обеспечению службы до 1 января 2015 года и по состоянию на 31 декабря 2014 года фактически не являлся получателем пенсии по причине того, что его заявление в пенсионные органы, направленное до указанной даты, не было рассмотрено в установленный срок.

Итоговый вывод решения: признать пункт 1 статьи 1 и часть вторую статьи 3 Федерального закона «Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в них положения не предполагают лишения граждан Российской Федерации, которые до поступления на службу в учреждения или органы Федеральной службы исполнения наказаний на территории Республики Крым или на

территории города федерального значения Севастополя были уволены со службы из органов Государственной пенитенциарной службы Украины и в течение переходного периода реализовали право на получение пенсии в соответствии с законодательством, действовавшим на указанных территориях до 1 января 2015 года, права выбора наиболее предпочтительного варианта пенсионного обеспечения и, следовательно, права на получение пенсии при увольнении со службы в том же размере, в каком он был им установлен в связи с увольнением из органов Государственной пенитенциарной службы Украины в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 1 января 2015 года, с учётом ежемесячной выплаты к ней, установленной Указом Президента РФ от 31 марта 2014 года № 192 «О мерах государственной поддержки граждан, являющихся получателями пенсий на территориях Республики Крым и города Севастополя».

Конституционно-правовой смысл оспоренных положений, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, принятые в отношении заявителя на основании оспоренных положений в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Одно из направлений интеграции новых субъектов в Российскую Федерацию — включение в систему социальной защиты населения Российской Федерации, в том числе в систему пенсионного обеспечения, конечной целью которого являлся переход к назначению пенсий, пособий, предоставлению мер социальной поддержки населению новых субъектов РФ в соответствии с законодательством Российской Федерации. С тем чтобы обеспечить в рамках этого перехода стабильность правового положения граждан в максимальной степени, избежать пробелов, затрудняющих реализацию их прав, федеральный законодатель предусмотрел как правила пенсионного обеспечения, подлежащие применению в течение переходного периода, так и особенности осуществления пенсионных прав соответствующих категорий граждан в рамках системы обязательного пенсионного страхования и государственного пенсионного обеспечения после 1 января 2015 года.

Поскольку — в силу конституционного принципа равенства, предполагающего, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, равное обра-

шение с лицами, находящимися в одинаковом положении, и принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства — сам факт поступления на службу не влечёт отмену либо уменьшение пенсионных прав, признанных российским государством посредством назначения в рамках соответствующей правоприменительной процедуры пенсии за выслугу лет в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя в переходный период, приобретение впоследствии таким гражданином права на назначение пенсии за выслугу лет не лишает его признанного российским государством и реализованного на его территории права на получение пенсии, назначенной ему в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 1 января 2015 года.

Как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, повторное поступление на службу лиц, получающих пенсию за выслугу лет, и приобретение ими вновь статуса военнослужащего (сотрудника правоохранительных органов) не может и не должно иметь своим результатом снижение размера пенсионного обеспечения за выслугу лет по сравнению с тем, который они имели бы, продолжая находиться на пенсии. Следовательно, при последующем увольнении со службы такие

лица вправе либо оформить пенсию за выслугу лет, полагающуюся им по последнему месту службы, либо получать ранее назначенную им пенсию за выслугу лет (см.: *Постановление от 18 марта 2004 года № 6-П; определения от 9 ноября 2004 года № 320-О и от 5 ноября 2015 года № 2500-О-П*).

Приведённая правовая позиция применима и к гражданам Российской Федерации, постоянно проживавшим по состоянию на 18 марта 2014 года на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя и проходившим военную или иную приравненную к ней по пенсионному обеспечению службу на указанных территориях, а после увольнения со службы и назначения в установленном порядке пенсии в соответствии с законодательством, действовавшим на этих территориях до 1 января 2015 года, поступившим на аналогичную государственную службу Российской Федерации, поскольку вследствие приобретения гражданства Российской Федерации и распространения на них общих правил государственного пенсионного обеспечения с особенностями, установленными федеральным законодательством, они не могут быть поставлены — в отступление от конституционных принципов равенства и справедливости — в худшее по сравнению с иными гражданами Российской Федерации положение в сфере реализации пенсионных прав.

Постановление от 28 ноября 2017 года № 34-П по делу о проверке конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 3 пункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711300028; дата опубликования: 30.11.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: освобождение от уплаты налогов; налог на добавленную стоимость; принцип правовой определённости; обратная сила постановлений высших судов; разъяснения по вопросам законодательства о налогах и сборах; межведомственное сотрудничество.

Заявитель: акционерное общество «Флот Новороссийского морского торгового порта» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: подпункт 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса РФ постольку, поскольку на его основании решается вопрос о возможности освобождения от обложения налогом на добавленную стоимость оказываемых налогоплательщиком услуг буксиров по установке (сня-

тию) бонового ограждения судов в период стоянки в портах, а также пункт 8 статьи 75 и подпункт 3 пункта 1 статьи 111 Налогового кодекса РФ — постольку, поскольку ими допускается возможность начисления пени и привлечения к налоговой ответственности плательщика налога на добавленную стоимость при наличии письменных разъяснений других (помимо уполномоченных финансовых и налоговых) органов государственной власти по отдельным вопросам отраслевого законодательства, не относящегося к законодательству о налогах и сборах, однако связанного с его применением.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения нарушают права заявителя, гарантированные статьями 2, 6 (часть 2), 8, 15 (части 1 и 2), 19 (часть 2), 34, 35, 45, 46, 55 (часть 3) и 57 Кон-

ституции РФ, поскольку они содержат неоднозначное и неопределённое понятие «работы (услуги) по обслуживанию морских судов и судов внутреннего плавания в период их стоянки в портах», что, в свою очередь, приводит к их произвольному толкованию правоприменительными органами, не позволяя признавать основанием освобождения налогоплательщика от начисления сумм пени при выявлении недоимки и от привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения письма Министерства транспорта РФ, содержащие разъяснения, влияющие на размер налоговых обязательств налогоплательщика, полученные заявителем по рекомендации Министерства финансов РФ.

Итоговый вывод решения: признать подпункт 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса РФ не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает обложение налогом на добавленную стоимость оказанных услуг буксиров по установке (снятию) бонового ограждения судов, а также начисление пени и штрафов по данному налогу за периоды, предшествовавшие изменению толкования данной нормы судами применительно к указанному виду деятельности (с учётом действия налогового периода по налогу на добавленную стоимость и порядка изменения налогового регулирования, ухудшающего положение налогоплательщиков), когда в силу существовавшей ранее устойчивой правоприменительной практики, благоприятной для налогоплательщиков, такая деятельность относилась к услугам по обслуживанию морских судов в период стоянки в портах и освобождалась от уплаты данного налога;

признать пункт 8 статьи 75 и подпункт 3 пункта 1 статьи 111 Налогового кодекса РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают уклонение от дачи по запросам налогоплательщиков письменных разъяснений по вопросам применения законодательства о налогах и сборах органов государственной власти, уполномоченных на дачу таких разъяснений, и исходят из необходимости обращения самих уполномоченных органов в иные государственные органы за получением дополнительных сведений по отдельным вопросам осуществления хозяйствования в тех или иных отраслях экономики, если эти сведения могут повлиять на исчисление размера налоговых обязательств налогоплательщиков.

Правоприменительные решения по делу заявителя, принятые на основании оспариваемых за-

коноположений в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ в данном Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Законодательство о налогах и сборах напрямую не регулирует вопрос о том, следует ли относить услуги буксиров по установке (снятию) бонового ограждения судна в период стоянки в портах для целей освобождения от уплаты налога на добавленную стоимость к работам (услугам) по обслуживанию морских судов в период стоянки в портах. Вопросы, касающиеся установления перечня работ (услуг) по обслуживанию морских судов и судов внутреннего плавания в период стоянки в портах законодательно не регламентируются. В то же время, поскольку при осуществлении портовой деятельности — в силу её специфики — допускается использование обычного и обычая, закон от 8 ноября 2007 года № 261-ФЗ специально указывает на обычаи морского порта как на правила поведения, сложившиеся и широко применяемые при оказании услуг в морском порту и не предусмотренные законодательством Российской Федерации, что предоставляет судам большие возможности для формирования своих подходов к составу таких услуг.

Несмотря на то обстоятельство, что осуществление предпринимательской деятельности, имея в виду её рисковый характер, с необходимостью предполагает определённую осмотрительность, отсутствуют достаточные основания полагать, что у добросовестного налогоплательщика, оказывающего на регулярной основе специализированные услуги буксиров по установке (снятию) бонового ограждения судна, была возможность при планировании своей хозяйственной деятельности в 2012–2013 годах (в условиях имеющейся на тот момент благоприятной административной и судебной практики освобождения данной услуги от уплаты налога на добавленную стоимость) в разумных пределах предвидеть, что на него спустя значительное время, а именно в 2016 году, будет возложена обязанность по уплате налога на добавленную стоимость в отношении данных услуг применительно к прошедшим периодам. Взимание с налогоплательщика, осуществляющего указанный вид услуги, налога на добавленную стоимость, а также суммы пени и штрафа за предыдущие периоды в данных правоотношениях возможно только с учётом действия налогового периода по данному налогу и порядка изменения налогового регулирования, ухудшающего положение налогоплательщиков. Иное является недопустимым отступлением от принципа правовой определённости и не

отвечает требованиям справедливости и соразмерности, препятствует налогоплательщику в реализации свободы предпринимательской деятельности и нарушает его право собственности.

Налоговый кодекс РФ относит к числу обстоятельств, исключаящих вину лица в совершении налогового правонарушения, выполнение налогоплательщиком письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределённому кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции. По смыслу положений Налогового кодекса РФ, акты информационно-разъяснительного характера уполномоченных органов влекут благоприятные последствия для налогоплательщика в случае, если они касаются непосредственно норм законодательства Российской Федерации о налогах и сборах. Тем не менее этим не исключается объективная потребность налогоплательщиков, осуществляющих отдельные специфические виды деятельности (например, услуги по бонированию), в получении официальной информации, разъясняющей нормы отраслевого регулирования, не относящегося к законодательству о налогах и сборах.

В случаях, когда целью получения разъяснений является желание налогоплательщика иметь представление о своих правах и обязанностях, ему надлежит обращаться в орган государственной власти, уполномоченный давать письменные разъяснения о порядке исчисления, уплаты налога или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах. Уполномоченный орган (при недостаточной осведомленности по существу поставленного вопроса) правомочен получить дополнительные сведения с использованием процедур межведомственного взаимодействия, однако на основе полученных сведений он должен — в силу своей исключительной компетенции в налоговых вопросах — принять решение самостоятельно. Иное приводило бы к недопустимому игнорированию принципа баланса частных и публичных интересов, поскольку позволяло бы возлагать на налогоплательщика, недобросовестное поведение которого не доказано, чрезмерное бремя негативных последствий (в виде начисления сумм пени и привлечения к налоговой ответственности) неправомерного, с точки зрения уполномоченного в налоговых вопросах органа, разъяснения, данного другим государственным органом, что недопустимо в силу статей 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3) Конституции РФ.

ДЕКАБРЬ • 2017

Постановление от 4 декабря 2017 года № 35-П по делу о проверке конституционности части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201712060017; дата опубликования: 06.12.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; административное судопроизводство; восстановление процессуальных сроков; льготная уплата административного штрафа.

Заявитель: гражданин Ю. А. Рейнхimmel (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 1.3 статьи 32.2 КоАП РФ в той мере, в какой на её основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о возможности восстановления установленного двадцатидневного срока для уплаты административного штрафа, назначенного в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ, в размере половины суммы наложенного административного штрафа в случае, когда постановление о назначении административного

штрафа, направленное привлечённому к административной ответственности лицу заказным почтовым отправлением, поступило в его адрес после истечения двадцати дней со дня вынесения.

Позиция заявителя: оспариваемые положения не соответствуют Конституции РФ поскольку, не позволяя восстанавливать (продлевать) срок, в течение которого административный штраф может быть уплачен в размере половины назначенной суммы, в случае его пропуска по уважительным причинам, не зависящим от лица, подвергнутого административному наказанию в виде административного штрафа (в частности, вследствие несвоевременной доставки по почте постановления о назначении административного штрафа), они лишают привлечённое к административной ответственности лицо конституционно гарантированной возможности защищать, в том числе в суде, свои

права всеми не запрещёнными законом способами.

Итоговый вывод решения: признать часть 1.3 статьи 32.2 КоАП РФ не соответствующей Конституции РФ, её частям 1 и 2 статьи 19, части 1 статьи 35, статье 45 и частям 1 и 2 статьи 46, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования ею исключается возможность восстановления двадцатидневного срока, установленного для уплаты административного штрафа, назначенного в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ, в размере половины суммы наложенного административного штрафа в случае, когда копия постановления о назначении административного штрафа, направленная привлечённому к административной ответственности лицу по почте заказным почтовым отправлением, поступила в его адрес после истечения двадцати дней со дня вынесения.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из Постановления.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из Постановления, правоприменители при применении части 1.3 статьи 32.2 КоАП РФ не вправе уклоняться от рассмотрения вопроса о возможности восстановления срока, предусмотренного для уплаты административного штрафа в размере половины от назначенной суммы, по ходатайству привлечённого к административной ответственности лица в случае, когда копия постановления о назначении административного штрафа, направленная привлечённому к административной ответственности лицу по почте заказным почтовым отправлением, поступила в его адрес после истечения двадцати дней со дня вынесения.

Правоприменительные решения, принятые в отношении заявителя на основании оспоренных положений, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Устанавливая порядок исполнения наложенных административных наказаний, включая административные штрафы, законодатель не вправе игнорировать вытекающие из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, юридического равенства и справедливости требования, касающиеся конституционных параметров допустимых ограничений прав и свобод граждан, отступление от которых с неизбежностью сопряжено с рисками произвольного применения административного принуждения (см.: *постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 25 февра-*

ля 2014 года № 4-П, от 17 февраля 2016 года № 5-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.).

Добровольная уплата административного штрафа в размере половины назначенной суммы не аннулирует действие в отношении уплатившего административный штраф лица презумпции невиновности (часть 1 статьи 49 Конституции РФ) и не может свидетельствовать о признании им вины в совершении административного правонарушения, препятствующем обжалованию соответствующего постановления в установленном законом порядке.

Предусмотренное частью 1.3 статьи 32.2 КоАП РФ положение о двадцатидневном сроке для уплаты административного штрафа за совершение административного правонарушения в области дорожного движения (кроме указанных в данной норме составов административных правонарушений) в размере половины назначенной суммы, начинающем течь со дня вынесения постановления о наложении административного штрафа, обязывает федерального законодателя установить надлежащий юридический порядок своевременного ознакомления каждого лица, подвергнутого за соответствующее административное правонарушение административному наказанию в виде штрафа, с постановлением о его назначении.

Получение копии соответствующего постановления лицом, подвергнутым административному штрафу за указанное в части 1.3 статьи 32.2 КоАП РФ административное правонарушение, по истечении двадцатидневного срока со дня его вынесения фактически исключает возможность уплаты административного штрафа в размере половины от назначенной суммы, так как нормы действующего законодательства не предусматривают восстановления (продления) срока для льготной уплаты административного штрафа, назначенного за административное правонарушение в области дорожного движения, даже если он был пропущен не по вине заинтересованного лица, что, по существу, влечёт за собой не имеющую объективного и разумного оправдания дифференциацию прав и обязанностей лиц, относящихся к одной и той же категории субъектов административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения, порождающую — в нарушение конституционных принципов равенства и справедливости, охватываемых своим воздействием законодательное регулирование как прав и свобод, закреплённых непосредственно в Конституции РФ, так и прав, приобретаемых на основании закона, — предпосылки для дискриминационного правоприменения (см.: *постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П,*

от 23 апреля 2012 года № 10-П, от 18 апреля 2017 года № 12-П, от 6 июня 2017 года № 15-П и др.). Данный вывод не опровергается тем, что частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ предусматривается возможность размещения постановления (или информации о нём) в форме электронного документа на различных интернет-сайтах, включая официальный сайт ГИБДД МВД России (www.gibdd.ru), либо доведения сведений о наложенных за административные правонарушения правил дорожного движения административных

штрафах через соответствующие sms-оповещения, поскольку эти каналы информирования о фактах привлечения к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения и наложенных за их совершение административных штрафов не в состоянии компенсировать несвоевременное получение лицом, подвергнутому административному штрафу, копии постановления о его назначении, которая должна направляться ему компетентным должностным лицом.

Постановление от 5 декабря 2017 года № 36-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201712070007; дата опубликования: 07.12.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на социальное обеспечение; страховая пенсия по случаю потери кормильца.

Заявитель: Кузнецкий районный суд Пензенской области (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях», в той части, в которой он связывает право детей умершего кормильца, обучающихся по очной форме обучения в иностранных образовательных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, на получение пенсии по случаю потери кормильца с фактом направления таких лиц на обучение в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Позиция заявителя: оспариваемое положение противоречит частям 1 и 2 статьи 7 и частям 1 и 2 статьи 39 Конституции РФ, поскольку исключает возможность установления детям, братьям, сёстрам и внукам умершего кормильца, самостоятельно (без направления на учёбу в соответствии с международными договорами Российской Федерации) поступившим в иностранные образовательные организации и обучающимся в них по очной форме обучения, страховой пенсии по случаю потери кормильца на период до завершения ими обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет.

Итоговый вывод решения: признать пункт 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» не соответствующим Конституции РФ, её частям 1 и 2 статьи 19 и части 1

статьи 39, в той мере, в какой он служит основанием для отказа в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца его детям, самостоятельно (без направления на учёбу в соответствии с международным договором Российской Федерации) поступившим в иностранные образовательные организации и обучающимся в них по очной форме обучения по образовательным программам, которые могут быть отнесены к категории основных, на период до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

Мотивы решения. Само по себе предоставление детям умершего кормильца, обучающимся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, возможности получать страховую пенсию по случаю потери кормильца, в том числе после достижения совершеннолетнего возраста, в полной мере согласуется с положениями Конституции РФ (часть 2 статьи 7, часть 1 статьи 39), а также международно-правовых актов в области социального обеспечения. Специфика организации учебного процесса в рамках очной формы получения образования существенно ограничивает возможности приобретения детьми умершего кормильца, обучающимися по очной форме обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, постоянного источника средств к существованию за счёт самостоятельной трудовой деятельности, а потому отнесение их к числу нетрудоспособных членов семьи умершего кормильца, имеющих право на получение пенсии по случаю потери кормильца, обусловлено тем, что эти дети, лишившись необходимого материального содержания, для завершения процесса обучения нуждаются в поддержке со стороны государства

(см.: *Постановление от 27 ноября 2009 года № 18-П и определение от 17 декабря 2008 года № 1071-О-О*).

Реализация гражданином Российской Федерации права на образование и права выбора учебного заведения предполагает возможность обучения как в российских, так и в иностранных учебных заведениях, причём действующее законодательство об образовании не препятствует самостоятельному (без направления на учёбу) поступлению российских граждан в иностранные образовательные организации и обучению в них, в том числе при отсутствии соответствующего международного договора Российской Федерации о сотрудничестве в области образования.

Конституционный принцип равенства означает, помимо прочего, обеспечение равных условий для реализации лицами, относящимися к одной и той же категории (в данном случае — к категории детей умершего кормильца, обучающихся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность), своих пенсионных прав вне зависимости от места расположения образовательной организации (на территории Российской Федерации или за её пределами), в которой они обучаются, а если в качестве таковой выступает иностранная образовательная организация, расположенная за пределами территории Российской Федерации, — вне зависимости от способа поступления в неё.

Соответственно, условия назначения страховой пенсии по случаю потери кормильца его детям,

обучающимся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, должны определяться таким образом, чтобы обеспечить её выплату всем лицам, относящимся к данной категории, включая тех из них, кто обучается по очной форме обучения в расположенных за пределами территории Российской Федерации иностранных образовательных организациях по образовательным программам, которые могут быть отнесены к категории основных, — причём независимо от способа поступления таких лиц в иностранные образовательные организации (самостоятельно либо по направлению в соответствии с международными договорами Российской Федерации) — до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека (статья 26); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (статья 13); Конвенция МОТ 1967 года № 128 «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца» (подпункт «h» пункта 1 статьи 1); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, учёных степенях и званиях от 27 февраля 1996 года; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области культуры, образования и науки от 21 февраля 1995 года.

Постановление от 6 декабря 2017 года № 37-П по делу о проверке конституционности абзаца тринадцатого статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 13 и пункта 11 части 1 статьи 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201712070014; дата опубликования: 07.12.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории: право на судебную защиту; юридическая сила нормативных правовых актов; оспаривание нормативных правовых актов; правовая определённость; арбитражный процесс; административное судопроизводство; принцип равенства; местное самоуправление; право собственности.

Заявитель: гражданин В.Г. Жуков (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: абзац тринадцатый статьи 12 ГК РФ и часть 2 статьи 13 АПК РФ постольку, поскольку на их основании арбитражный суд при рассмотрении гражданского дела разрешает вопрос о проверке нормативного правового акта, включая утративший юридическую силу, на соответствие иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и о его применении, в том числе если о противоречии между этими актами заявляет лицо, участвующее в деле.

Позиция заявителя: положения абзаца тринадцатого статьи 12 ГК РФ, части 2 статьи 13 и пункта 11 части 1 статьи 29 АПК РФ противостоят статьям 2, 17 (часть 1), 18, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 120 (часть 2) Конституции РФ, поскольку исключают возможность в рамках рассматриваемого арбитражным судом спора о взыскании платы за аренду находящихся в публичной собственности земельных участков проверить обоснованность методики расчёта арендной платы, установленной нормативным правовым актом, и не применить его, если он противоречит нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, но не был ранее признан недействующим судом общей юрисдикции, в том числе в случае, когда возможность оспаривания установившего такую методику акта в порядке административного судопроизводства утрачена в связи с его отменой издавшим его органом.

Итоговый вывод решения: признать положения абзаца 13 статьи 12 ГК РФ и части 2 статьи 13 АПК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения предполагают обязанность арбитражного суда, рассматривающего гражданское дело, проверить нормативный правовой акт, подлежащий применению в данном гражданском деле (включая утративший юридическую силу), на соответствие иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, в том числе если о противоречии между ними заявляет лицо, участвующее в деле, и в случае установления такого противоречия — вынести решение в соответствии с нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу.

Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности пункта 11 части 1 статьи 29 АПК РФ, поскольку он не был применён в деле заявителя.

Конституционно-правовой смысл абзаца тринадцатого статьи 12 ГК РФ и части 2 статьи 13 АПК РФ, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, принятые по делу заявителя на основании абзаца тринадцатого статьи 12 ГК РФ и части 2 статьи 13 АПК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Из статьи 120 (часть 2) Конституции РФ вытекает обязанность суда, разрешая любое дело, оценить подлежащие приме-

нию нормативные правовые акты в их иерархии и в случае их противоречия принять решение в соответствии с положениями, имеющими большую юридическую силу.

В числе способов защиты гражданских прав, которые могут быть задействованы лишь при участии юрисдикционных органов, статья 12 ГК РФ называет признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, а равно неприменение судом акта этого органа, противоречащего закону. Следовательно, праву лица, участвующего в деле и распоряжающегося процессуальными правами на всех стадиях процесса самостоятельно, на основе конституционно значимого принципа диспозитивности, поставить перед судом вопрос о неприменении нормативного правового акта, противоречащего нормативному правовому акту большей юридической силы, и о принятии решения в соответствии с последним корреспондирует безусловная обязанность суда рассмотреть этот вопрос, отразив в решении мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. Исполнение данной обязанности обеспечивается, кроме прочего, возможностью отмены или изменения судебного решения вышестоящим судом в связи с неприменением закона, подлежащего применению. Изменения, внесённые Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 186-ФЗ в АПК РФ, не затронули полномочия арбитражного суда при рассмотрении дела отказать в применении нормативного правового акта, противоречащего нормативному правовому акту большей юридической силы. Иное понимание, нашедшее отражение судебной практике, не только расходится с буквальным смыслом и предназначением указанных законодательных поправок, умаляет единство судебной системы, но и ставит стороны разбирательства в арбитражном суде в худшее, нежели в суде общей юрисдикции, положение, притом что гражданское судопроизводство, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды, в основных своих началах и чертах должно быть единообразным (см.: *Постановление от 17 октября 2017 года № 24-П*). Тем самым лишь в зависимости от подведомственности гражданского спора суду общей юрисдикции либо арбитражному суду, которая обычно определяется исходя из предметного и субъектного критериев, ограничивалось бы равенство, в частности, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, не обладающих этим статусом, в доступе к одной из значимых гарантий судебной защиты.

Суд не может прекратить производство по делу об оспаривании нормативного правового акта, признанного решением органа местного самоуправления, принявшего этот акт, утратившим силу после подачи в суд соответствующего заявления, если в ходе судебного разбирательства будет установлено нарушение оспариваемым актом прав и свобод заявителя, гарантированных Конституцией РФ, законами и иными нормативными правовыми актами, — иное приводило бы, по сути, к отказу в судебной защите прав и свобод заявителя, с нарушением которых он связывает свое обращение в суд, и не отвечало бы имеющей место в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, публичной потребности в разрешении по существу спора о соответствии нормативного правового акта иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу. Установление судом одного лишь факта утраты нормативным правовым актом силы — без учёта имевшего место применения (возможности применения) данного акта к административному истцу, а равно без учёта обстоятельств и причин его отмены — противоречило бы положениям КоАП РФ в их понимании Конституционным Судом РФ, который обращал внимание на необходимость эффективного, а не формального судебного контроля (см.: *Постановление от 4 июня 2015 года № 13-П*).

В отличие от признания судом нормативного правового акта не подлежащим применению в конкретном деле как противоречащего акту большей юридической силы, последствием признания судом нормативного правового акта недействующим полностью или в части является его исключение

из системы правового регулирования, обеспечиваемое, в частности, доведением такого решения суда до сведения широкого круга лиц в надлежащем порядке и возможностью пересмотра в установленных случаях судебных решений, основанных на этом акте, в отношении иных, помимо заявителя, лиц. Следовательно, таким решением суда удовлетворяется как индивидуальный интерес стороны спора в защите принадлежащих ей прав и свобод, так и общественный интерес в поддержании законности и правопорядка в целом. Вместе с тем именно полномочие арбитражного суда отказать в применении нормативного правового акта, противоречащего нормативному правовому акту большей юридической силы, в конкретном деле приобретает особое значение, когда иные способы реализации права на судебную защиту по не зависящим от лица причинам не могут быть реализованы.

Таким образом, если подлежащий применению арбитражным судом в гражданском деле нормативный правовой акт отменён до начала или в период производства по административному исковому заявлению о признании его недействующим, поданному лицом, участвующим в данном гражданском деле, и по этой причине не может быть признан недействующим, отказ арбитражного суда оценить в ходе рассмотрения дела такой акт на предмет его соответствия нормативному правовому акту большей юридической силы означал бы не только отступление от требования статьи 120 (часть 2) Конституции РФ, но и неприемлемый в правовом государстве отказ в праве на судебную защиту, которое не подлежит ограничению (части 1 и 2 статьи 46, часть 3 статьи 56 Конституции РФ).

Постановление от 7 декабря 2017 года № 38-П по делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвёртой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201712080040; дата опубликования: 08.12.2017)

Правовые категории: право на справедливую оплату труда; принцип равенства; социальное государство; минимальный размер оплаты труда; региональная минимальная заработная плата; гарантии оплаты труда.

Заявители: граждане В. С. Григорьева, О. Л. Дейдей, Н. А. Капурина и И. Я. Кураш (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ). Руководствуясь статьёй 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Россий-

ской Федерации», Суд соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Предмет рассмотрения: взаимосвязанные положения статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвёртой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса РФ постольку, поскольку на их основании решается вопрос об оплате труда работников, осуществляющих трудовую деятельность в местностях с особыми климатическими условиями, в том

числе в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в размере, не превышающем минимального размера оплаты труда (минимальной заработной платы в субъекте РФ).

Позиция заявителей: оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 7, 17, 19, 37 и 55 Конституции РФ, так как — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — позволяют работодателю устанавливать работнику заработную плату, размер которой с учётом включения в её состав районного коэффициента и процентной надбавки за работу в местности с особыми климатическими условиями не превышает минимального размера оплаты труда в Российской Федерации, и тем самым нарушают право работников, осуществляющих трудовую деятельность в такой местности, на повышенный размер оплаты труда.

Итоговый вывод решения: признать взаимосвязанные положения статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвёртой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают включения в состав минимального размера оплаты труда районных коэффициентов и процентных надбавок, начисляемых в связи с работой в местностях с особыми климатическими условиями, в том числе в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Выявленный в Постановлении конституционно-правовой смысл оспариваемых положений является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Федеральный законодатель правомочен при совершенствовании законодательства в сфере оплаты труда, в том числе на основе выраженных в Постановлении правовых позиций Конституционного Суда РФ, учёт сложившуюся в системе социального партнёрства практику определения тарифной ставки (оклада) первого разряда не ниже величины минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом.

Правоприменительные решения по делам заявителей подлежат пересмотру с учётом выявленного в настоящем Постановлении конституционно-правового смысла положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвёртой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса РФ.

Мотивы решения. Гуманистические начала социального государства обязывают федерального

законодателя осуществлять правовое регулирование таким образом, чтобы создавать всем без исключения гражданам благоприятные условия для реализации своих прав в сфере труда, к числу которых международно-правовые акты, являющиеся составной частью правовой системы Российской Федерации, относят право каждого работающего на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи. Исходя из этого, правовое регулирование оплаты труда лиц, работающих по трудовому договору, должно гарантировать установление им размера заработной платы на основе объективных критериев, отражающих квалификацию работника, характер и содержание трудовой деятельности, с учётом условий её осуществления.

Негативное воздействие на здоровье человека в регионах с особыми климатическими условиями обязывают Российскую Федерацию как правовое социальное государство принимать меры, призванные компенсировать дополнительные материальные и физиологические затраты, обусловленные более высокой стоимостью жизни, складывающейся в этих местностях. В этих целях федеральным законодателем установлена система специальных гарантий и компенсаций, включая повышенную оплату труда работников в данных регионах. При этом федеральный законодатель не обязан гарантировать таким гражданам определённый размер повышения оплаты труда. Повышенная оплата труда обеспечивается путем установления соответствующих районных коэффициентов (коэффициентов) и надбавок (процентных надбавок).

Правительство РФ полномочие по определению размера районных коэффициентов и процентных надбавок не реализовало, поэтому в настоящее время действуют — в части, не противоречащей Трудовому кодексу РФ, иные нормативные правовые акты, которыми определялся порядок применения районного коэффициента и процентной надбавки. Данные акты указывают, что районный коэффициент и процентная надбавка должны начисляться на заработок, определённый в соответствии с установленной системой оплаты труда.

Установление такой государственной гарантии, как минимальный размер оплаты труда, определённые содержания и объёма этой гарантии, а также изменение соответствующих правовых норм не затрагивает других гарантий, предусмотренных трудовым законодательством для работников, включая повышенную оплату труда работников, занятых на работах в местностях с особыми климатическими условиями. Минимальный размер оплаты

труда должен быть обеспечен всем работающим по трудовому договору, то есть является общей гарантией, предоставляемой работникам независимо от того, в какой местности осуществляется трудовая деятельность. Это означает, что заработная плата работников организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, должна быть определена в размере не менее минимального размера оплаты труда, после чего к ней должны быть начислены районный коэффициент и надбавка за стаж работы в данных районах или местностях. Такой подход служит гарантией вознаграждения за труд без какой бы то ни было дискриминации, и соответствует конституционному принципу юридического равенства, который, помимо прочего, обуславливает необходимость предусматривать обоснованную дифференциацию в отношении субъектов, находящихся в объективно разном положении.

Несмотря на то что ранее судебная практика придерживалась схожего подхода, что было отражено в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, сегодня в ряде случаев правоприменительная практика позволяет считать право работника на справедливое вознаграждение ненарушенным в тех случаях, когда размер его заработной платы с учётом включения в её состав районного коэффициента (коэффициента) и процентной надбавки составляет не менее минимального размера оплаты труда. Поглощение выплат, специально установленных для возмещения дополнительных материальных и физиологических затрат работников, связанных с климатическими условиями, минимальным размером оплаты труда, по существу, приводило бы к искажению правовой

природы как этой гарантии, так и самих указанных выплат, что недопустимо в силу предписаний статьи 37 (часть 3) Конституции РФ и принципов правового регулирования трудовых правоотношений.

Минимальная заработная плата в субъекте РФ устанавливается в целях повышения уровня оплаты труда, если экономика региона развивается стабильно и создаёт условия для возможности учёта величины прожиточного минимума трудоспособного населения в субъекте РФ. Данная мера представляет собой установленную в системе социального партнёрства дополнительную гарантию, которая не заменяет гарантии, предусмотренные федеральным законом, в том числе повышенную оплату труда в связи с работой в местностях с особыми климатическими условиями и не предусматривает полномочия социальных партнёров, заключающих указанное соглашение, помимо размера минимальной заработной платы самостоятельно определять правила о включении в неё каких-либо выплат, в частности районных коэффициентов (коэффициентов) и процентных надбавок. Таким образом, минимальная заработная плата в соответствующих случаях должна применяться вместо величины минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом, не заменяя и не отменяя иных гарантий, предусмотренных Трудовым кодексом РФ.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека (статья 23); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (статья 7); Европейская социальная хартия (пересмотренная) от 3 мая 1996 года (статья 4 части II).

Постановление от 8 декабря 2017 года № 39-П по делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 1992 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201712120006; дата опубликования: 12.12.2017)

Правовые категории в Постановлении: конституционная обязанность платить законно установленные налоги и сборы; ответственность налогоплательщиков; уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов организацией; принципы соразмерности; пропорциональности и равенства налогообложения; юрисдикция налоговых органов.

Заявители: граждане Г.Г. Ахмадеева, С.И. Лысяк, А.Н. Сергеев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064 ГК РФ и подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса РФ — постольку, поскольку эти положения в их взаимосвязи служат нормативным основанием для решения во-

проса о взыскании по искам прокуроров и налоговых органов с физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, связанных с неуплатой налогов организацией, или в отношении которых уголовное преследование в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, денежных сумм в счёт возмещения вреда, причинённого бюджетам публично-правовых образований.

Позиция заявителей: оспариваемые положения позволяют признавать налоговый орган надлежащим заявителем по иску о взыскании вреда, причинённого бюджетам публично-правовых образований, с гражданина, оказывающего организации бухгалтерские услуги на основании гражданско-правового договора. При этом на основании оспариваемых положений возможно взыскивать с гражданина вред, причинённый бюджету налоговым преступлением, в случае прекращения в отношении него уголовного дела по нереабилитирующему основанию. В частности, в результате прекращения уголовного дела в отношении гражданина вследствие акта об амнистии, гражданин признаётся виновным в инкриминируемом ему деянии в рамках гражданского процесса, что нарушает презумпцию невиновности, предусмотренную Конституцией.

Итоговый вывод решения: признать не противоречащими Конституции РФ положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064 ГК РФ и подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса РФ поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения:

предполагают возможность взыскания по искам прокуроров и налоговых органов о возмещении вреда, причинённого публично-правовым образованиям, денежных сумм в размере не поступивших в соответствующий бюджет от организации-налогоплательщика налоговых недоимок и пеней с физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, вызвавших эти недоимки, или уголовное преследование которых в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, при установлении всех элементов состава гражданского правонарушения, притом что сам факт вынесения обвинительного приговора или прекращения уголовного дела не может рассцениваться судом как безусловно подтверждающий их виновность в причинении имущественного вреда;

не могут использоваться для взыскания с указанных физических лиц штрафов за налоговые

правонарушения, наложенных на организацию-налогоплательщика;

не допускают, по общему правилу, взыскание вреда, причинённого бюджетам публично-правовых образований, в размере подлежащих зачислению в соответствующий бюджет налогов и пеней с физических лиц, обвиняемых в совершении налоговых преступлений, до внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении организации-налогоплательщика либо до того, как судом будет установлено, что данная организация является фактически недействующей и (или) что взыскание с неё либо с лиц, привлекаемых к ответственности по её долгам, налоговой недоимки и пеней на основании норм налогового и гражданского законодательства невозможно (кроме случаев, когда судом установлено, что организация-налогоплательщик служит лишь «прикрытием» для действий контролирующего её физического лица);

предполагают правомочие суда при определении размера возмещения вреда, причинённого бюджету публично-правового образования физическим лицом, учитывать его имущественное положение (в частности, факт обогащения в результате совершения налогового преступления), степень вины, характер уголовного наказания, а также иные существенные обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного дела.

Конституционно-правовой смысл положений статьи 15, пункта 1 статьи 1064 ГК РФ и подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса РФ является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителей на основании рассматриваемых положений статьи 15, пункта 1 статьи 1064 ГК РФ и подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. В лице налоговых органов государство осуществляет контроль за исполнением налогоплательщиками своих обязанностей по уплате налогов и сборов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и в этих целях наделяет их полномочиями предъявлять в суды требования, обеспечивающие поступление налогов в бюджет. При этом ни Налоговый кодекс РФ, включая его статью 31, ни Закон РФ «О налоговых органах Российской Федерации», устанавливая полномочия налоговых органов, не содержат прямого указания на их право обращаться в суд с

иском о возмещении вреда на основании статьи 1064 ГК РФ. Между тем следует учитывать, что отношения между публично-правовым образованием и физическим лицом, совершившим налоговое преступление, по поводу возмещения вреда, причинённого бюджету публично-правового образования в результате неуплаты налогов организацией-налогоплательщиком, являются не налогово-правовыми, а гражданско-правовыми.

В соответствии с Налоговым кодексом РФ лицом, ответственным за неуплату налогов и сборов в бюджет, является, как правило, сам налогоплательщик, — возложение каких-либо налоговых обязанностей или налоговой ответственности на иных лиц (например, налоговых агентов) возможно лишь в силу прямого указания закона. Применительно к налогоплательщику-организации это означает, что совершившей собственно налоговое правонарушение признаётся именно организация как юридическое лицо, которое может быть привлечено к ответственности, предусмотренной налоговым законодательством. Что касается ответственности учредителей, руководителей, работников организации-налогоплательщика и иных лиц за неуплату организацией налогов и сборов, то Налоговый кодекс РФ не устанавливает её в качестве общего правила: взыскание с указанных физических лиц налоговой недоимки и возложение на них ответственности по долгам юридического лица — налогоплательщика перед бюджетом допускаются лишь в случаях, специально предусмотренных налоговым и гражданским законодательством. Возмещение физическим лицом вреда, причинённого неуплатой организацией налога в бюджет или сокрытием денежных средств организации, в случае привлечения его к уголовной ответственности может иметь место только при соблюдении установленных законом условий привлечения к гражданско-правовой ответственности и только при подтверждении окончательной невозможности исполнения налоговых обязанностей организацией-налогоплательщиком.

Таким образом, статья 15 и пункт 1 статьи 1064 ГК РФ в системной связи с соответствующими положениями Налогового кодекса РФ, УК РФ и УПК РФ — по своему конституционно-правовому смыслу — должны рассматриваться как исключающие возможность взыскания денежных сумм в счёт возмещения вреда, причинённого публично-правовым образованиям в форме неуплаты подлежащих зачислению в соответствующий бюджет налогов, с физического лица, которое было осуждено за совершение налогового преступления или в отношении которого уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим осно-

ваниям, при сохранении возможности исполнения налоговых обязанностей самой организацией-налогоплательщиком и (или) причастными к её деятельности лицами, с которых может быть взыскана налоговая недоимка, а также иными субъектами, несущими предусмотренную законом ответственность по долгам юридического лица — налогоплательщика в соответствии с нормами гражданского законодательства, законодательства о банкротстве. После исчерпания или объективной невозможности реализации установленных налоговым законодательством механизмов взыскания налоговых платежей с организации-налогоплательщика и предусмотренных гражданским законодательством механизмов привлечения указанных лиц к установленной законом ответственности обращение в суд в рамках статей 15 и 1064 ГК РФ к физическому лицу, привлечённому или привлекавшемуся к уголовной ответственности за совершение налогового преступления, с целью возмещения вреда, причинённого публично-правовым образованиям, в размере подлежащих зачислению в соответствующий бюджет налогов и пеней по ним является одним из возможных способов защиты и восстановления нарушенного права и само по себе не может рассматриваться как противоречащее Конституции РФ.

Как ранее указывал Конституционный Суд РФ, требование определённости правового регулирования, обязывающее законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину (объединению граждан) соотносить своё поведение — как запрещённое, так и дозволенное, не исключает использования оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений либо непосредственно из содержания нормативного положения или из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений; именно судебная власть, действующая на основе принципов самостоятельности, справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, по своей природе в наибольшей мере предназначена для решения споров на основе законоположений, в которых законодатель использует в рамках конституционных предписаний оценочные понятия (см.: *постановления от 14 апреля 2008 года № 7-П, от 5 марта 2013 года № 5-П, от 31 марта 2015 года № 6-П, от 4 июня 2015 года № 13-П*

и от 22 июня 2017 года № 16-П; Определение от 2 апреля 2009 года № 484-О-П). Во взаимосвязи с приведёнными правовыми позициями Конституционного Суда РФ и с учётом фактических обстоятельств конкретного дела подлежит применению и широко используется в российском законодательстве понятие «вред», на недостаточную определённую которого ссылаются заявители по настоящему делу в обоснование своей позиции относительно неконституционности оспариваемых ими законоположений. Между тем отсутствие в налоговом и гражданском законодательстве легальной дефиниции понятия «вред» само по себе не может рассматриваться как вносящее в правовое регулирование неопределённость, не позволяющую субъектам соответствующих правоотношений и правоприменительным органам осознать и единообразно применять правила поведения, установленные нормами, в которых данное понятие используется, и предвидеть наступление ответственности за их нарушение.

Обращаясь к вопросу о правовой природе прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, гарантиях прав и законных интересов лиц, в отношении которых принимается такое решение, Конституционный Суд РФ пришёл к следующим выводам (см.: постановления от 28 октября 1996 года № 18-П, от 5 июля 2001 года № 11-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 2 марта 2017 года № 4-П и от 7 марта 2017 года № 5-П; определения от 18 января 2005 года № 11-О и от 16 июля 2015 года № 1607-О):

решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьёй 49 Конституции РФ. При выявлении реабилитирующего основания к прекращению уголовного дела лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела — обжаловать его в установленном процессуальным законом судебном порядке, благодаря чему лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства;

в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство, предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об

уголовной ответственности, а значит, если обвиняемый (подсудимый) не возражает против прекращения уголовного преследования, нет оснований считать его права и законные интересы нарушенными решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности); если же лицо, в отношении которого ведётся уголовное преследование, возражает против прекращения уголовного судопроизводства по реабилитирующему основанию, ему должна предоставляться возможность судебной защиты его прав, в том числе права на возможную реабилитацию;

поскольку прекращение уголовного дела представляет собой целостный правовой институт, то есть систему норм, регулирующих как основания, условия и процессуальный порядок прекращения уголовного дела, права и обязанности участников соответствующих правоотношений, так и его юридические последствия, несогласие обвиняемого (подсудимого) с возможностью взыскания с него вреда, причинённого преступлением как последствия прекращения уголовного дела, — учитывая системный характер, неразрывную связь и взаимообусловленность складывающихся при этом правоотношений — равнозначно несогласию с применением к нему института прекращения уголовного дела в целом;

в целях защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, обеспечения им доступа к правосудию и компенсации причинённого ущерба федеральный законодатель установил в статье 309 УПК РФ, что суд при рассмотрении уголовного дела может удовлетворить заявленный гражданский иск, оставить его без рассмотрения либо признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передать его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства; суд, рассматривающий по заявлению потерпевшего гражданское дело о возмещении вреда, причинённого преступлением, не может быть связан принятым органом предварительного расследования или судом решением о прекращении уголовного преследования в части определения размера причинённого преступлением ущерба и должен основывать свое решение на собственном исследовании обстоятельств дела;

при прекращении производства по уголовному делу в связи с применением акта об амнистии право на защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате преступления, в гражданском судопроизводстве сохраняется во всяком случае.

Аналогичным образом — в силу приведённых правовых позиций Конституционного Суда РФ — не могут предрешать выводы суда о возможности

привлечения к гражданско-правовой ответственности лица, в отношении которого уголовное преследование по обвинению в налоговом преступлении было прекращено по нереабилитирующим основаниям, акты налоговых органов и послужившие основанием для возбуждения соответствующего уголовного дела материалы налоговых про-

верок деятельности организации-налогоплательщика, — равно как и материалы предварительного расследования, в деле о возмещении вреда они выступают письменными доказательствами и по отношению к иным доказательствам, в том числе представляемым суду ответчиком, не обладают большей доказательственной силой.

Постановление от 13 декабря 2017 года № 40-П по делу о проверке конституционности пункта 6 части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201712140013; дата опубликования: 14.12.2017)

Правовые категории в Постановлении: гарантии социальной защиты; социальная защита граждан, подвергшихся воздействию радиации.

Заявитель: гражданка Т. С. Овечкина (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 6 части первой статьи 13 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в той мере, в какой на его основании решается вопрос об отнесении к гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы, на которых распространяется действие данного Закона, граждан из числа детей, находившихся в состоянии внутриутробного развития на момент переселения из зоны отселения.

Позиция заявителя: оспариваемое положение не позволяет относить к пострадавшим от чернобыльской катастрофы граждан из числа детей, находившихся в состоянии внутриутробного развития на момент переселения из зоны отселения, чем ставит их в худшие условия при реализации права на социальное обеспечение, предоставленные жилого помещения и возмещение вреда, причинённого воздействием радиации, по сравнению с детьми, которые в состоянии внутриутробного развития были эвакуированы из названной зоны (населённых пунктов, находящихся на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению).

Итоговый вывод решения: признать не противоречащим Конституции РФ положение пункта 6 части первой статьи 13 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», поскольку он — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не предполагает возможности лишения граждан из числа детей, находив-

шихся в состоянии внутриутробного развития на момент выезда их матерей из населённых пунктов зоны отселения, откуда население подлежало обязательному переселению, в период до завершения такого переселения, статуса лиц, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы, если он раньше был им предоставлен, и, соответственно, права на возмещение вреда и меры социальной поддержки, установленные данным Законом.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя на основании пункта 6 части первой статьи 13 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» относит к числу лиц, выехавших из зоны отчуждения или зоны отселения и имеющих право на возмещение вреда и меры социальной поддержки, не только совершеннолетних граждан, но и детей (пункт 6 части первой статьи 13). Наряду с совершеннолетними гражданами и детьми, которые подверглись непосредственному радиационному воздействию в зонах отчуждения и отселения, пункт 6 части первой статьи 13 указанного Закона причисляет к лицам, выехавшим из этих зон, детей, находившихся на момент эвакуации в состоянии внутриутробного развития.

Поскольку переселение из населённых пунктов зоны отселения, в которых проживание было запрещено, осуществлялось в силу тех же оснований, что и эвакуация из населённых пунктов, отнесённых к зоне отчуждения на территории Россий-

ской Федерации, постольку правовые последствия такого переселения должны быть аналогичны правовым последствиям эвакуации из зоны отчуждения — с учётом различий в номинальных показателях радиационного риска, обуславливающих как применение различного порядка организации выезда с данных территорий, так и дифференциацию объёма социальной защиты, предоставляемой названным категориям граждан (статьи 17 и 32 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»).

Соответственно, использование законодателем в пункте 6 части первой статьи 13 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» термина «эвакуация» для обозначения способа выезда с территории зоны отселения женщины, вынашивавшей ребёнка, в целях решения вопроса о признании такого ребёнка после его рождения гражданином, выехавшим из зоны отселения, не может исключать присвоения ему указанного статуса (а тем более возобновления такого статуса путем замены ранее выданного удостоверения) и в том случае, если его мать покинула зону отселения не в порядке эвакуации, а в порядке переселения.

В силу наличия биологической связи между организмом матери и плодом высокий радиационный риск, которому подвергалась беременная женщина, проживавшая на территории зоны отселения в одном из населённых пунктов, откуда население подлежало обязательному переселению, в период до завершения такого переселения, в равной степени угрожал и плоду. Защита ребёнка, находившегося в состоянии внутриутробного развития, от неблагоприятных последствий радиационного воздействия была неотделима от защиты, предоставляемой вынашивавшей его женщине (матери), в том числе посредством выезда на другое место жительства. Этим обусловлено равенство оснований для возмещения вреда и предоставления мер социальной поддержки и, соответственно, для присвоения статуса пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы гражданам

из числа детей, находившихся в состоянии внутриутробного развития, и их матерям, безотносительно к тому, в каком порядке — в порядке эвакуации, переселения или добровольно — они покинули населённые пункты, находившиеся на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению.

Таким образом, пункт 6 части первой статьи 13 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» не противоречит Конституции РФ, поскольку он — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не предполагает возможности лишения граждан из числа детей, находившихся в состоянии внутриутробного развития на момент выезда их матерей из населённых пунктов зоны отселения, откуда население подлежало обязательному переселению, в период до завершения такого переселения, статуса лиц, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы, если он раньше был им предоставлен, и, соответственно, права на возмещение вреда и меры социальной поддержки, установленные данным Законом.

Обзор подготовили: Сергей Афанасьев, Ольга Гаврилова, Юлия Рудт и Александра Урошлева. Редактор: Лев Иванов.

Библиографическое описание:

Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России: № 27-П — 40-П (2017) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 169—197.

Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments Nos. 27-P — 40-P • 2017

Citation

(2018) *Obzor pravovykh pozitsiy v postanovleniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii*: Nos. 27-P — 40-P (2017) [Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments: Nos. 27-P — 40-P (2017)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 1, pp. 169—197. (In Russian).